

NFT

Наверное
форчан
тебе!?



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Автор: Космическая Лиса
К.Лава в токене

Космическая Лиса

К.Лава в токене

«Автор»

2026

Лиса К.

К.Лава в токене / К. Лиса — «Автор», 2026

В Крайней стране, где неон и легенды переплетены плотнее, чем провода в подвале, живёт К.Лава — девушка, которая учится сочетать древние ритуалы и прагматику выживания. Её наставник — ПапаРатник, инженерхилер, умеющий зарядить и телефон, и веру. Она ходит на «чистки», пишет презентации и просит у мира шанс, который можно подсчитать и оформить в договор. К.Лава идёт по «Лестнице судьбы»: от утренних ритуалов до переговоров в офисах, где решаются судьбы проектов. Но главная победа — не всегда контракт с крупным продюсером; иногда это круг у костра, где разные люди говорят друг другу честно: «Ты — наш общий интерес». Эта история — ироничная, местами мистическая, а местами хладнокровнотехническая притча о вере, памяти и цене созидания в мире, где даже духи прошлого можно вызвать по API. Для тех, кто верит и в богов, и в код; для тех, кого использовали и кем манипулировали; для тех, кто ищет путь не просто к исполнению мечты, а к созданию наследия, полезного обществу.

© Лиса К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

	5
Слово автора «Космическая Лиса»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	37

К.Лава в токене

—————

Слово автора «Космическая Лиса»

Если ты когда-нибудь чувствовал, что тебя списали со счёта — знаешь вкус этого мира. Тебе обещали, тебя использовали, твою работу приписали кому-то другому; твой голос сделали фоном, а твоё имя — товаром, которым торгуют при свечах. Мне это знакомо. Слишком знакомо. Эта книга — попытка понять и опереться на то, что остаётся после таких списаний. Не о том, чтобы показать великий план мести, а о том, как возвращается лицо, когда у тебя отбирают право называться автором своей жизни. К.Лава — не супергероиня и не манифест; она человек, который устал терпеть, но не сломался: она выбирает не бежать и не молчать, а действовать тем инструментом, что у неё остался — именем, идеей, способностью собирать вокруг людей, которые готовы не только брать, но и давать. Я хотела написать историю о том, как в мире, где всё можно токенизировать, настоящее сопротивление — это умение сохранять человеческое. О том, что творчеству можно вернуть право на существование, если не дать ему превратиться в очередной товар. О том, что иногда самый острый ресурс — не деньги, а имя; не защита от мира, а способ его менять. В книге есть и холодный расчёт переговорных комнат, и шумные ночи Кривых Зеркал, и тёплые утра у Татьяги — потому что в противовес системе всегда остаётся дом: человек, кот, чашка кофе. Я верю, что именно в этих простых опорах рождается сила, способная перевернуть правила игры. Не даю ответов, я, как и героиня, задаю вопросы: как обращаться с тем, что украли у тебя; можно ли превратить чужую жадность в ресурс для добра; что значит быть автором — не только текста, но и собственной судьбы? Если после прочтения ты захочешь спорить, кричать, смеяться или действовать — значит, книга достигла своей цели. Спасибо, что пришли в этот мир. Возвращайте своё имя бережно. Оно дороже любого кешбэка.

Начало

В Крайней стране, где реальность давно соскользнула с рельсов, центральный город, Кривые Зеркала, был чем-то вроде Вавилона для всех, кто когда-либо держал в руках кисть, камеру или микрофон. Здесь, в прокуренных подвалах и пабах с облупленными стенами, за соседним столиком мог зависать суперзвезда из поп-группы, который на пару часов забывал о том, что он вообще кто-то. Никто не лез с селфи, не просил автограф — все были слишком заняты тем, чтобы петь, танцевать и чокаяться бокалами, как будто завтра не наступит никогда.

В этом городе каждый был экспонатом, но никто не был музейным трофеем. Здесь не было ни фанатов, ни охраны, только вечный джем, где каждый ловил свой момент счастья. А если кому-то и везло особенно, то все знали: это Санта-Лучия подмигнула — она своих не обижает, особенно если ты музыкант и умеешь не только играть, но и раствориться в толпе.

Старинный фасад города, обросший стеклянными башнями и бетонными химерами, притягивал сюда всех, кто искал острых ощущений или просто хотел сбежать от скуки. Здесь каждый мог раствориться в неоновых огнях ночи, а днём — нарваться на шанс, который обернётся либо золотом, либо пощёчиной. Но был один секретный вход: чтобы попасть в этот лабиринт возможностей, нужно было найти лохматую руку. Без неё — ты просто турист, а туристов

здесь не жаловали. Лохматые руки водились у депутатов с мутными глазами и у синдикатов, где улыбка стоила дороже жизни.

Дух Кривых Зеркал был беспощаден: здесь талант, ум и даже душу могли размазать по плитке свои же, и никто не подаст платочек. Могли сделать так, что твоя дверь вдруг станет стеной, а твой друг — очередным призраком в этом городе. Здесь лицемерная искренность была не просто нормой, а высшей формой искусства: личина, которую носили с такой грацией, что сам бы позавидовал любой актёр. Кто вырастил этих моральных мутантов — вопрос для рептилоидов, но гадить они умели филигранно: свежую кровь лили под вывеской благодетеля, потому что своя уже давно высохла и воняла нафталином.

Это была война без правил, где на кону стояла не просто удача, а сама возможность остаться человеком. Побеждали здесь только те, кто умел не только выживать, но и смеяться в лицо хаосу, когда вокруг всё трещало по швам и пахло дешёвой драмой вперемешку с дорогим парфюмом.

О секрете знали единицы — только те, кто был готов продать себя с потрохами, стереть из ДНК своей души всё, что когда-то называлось принципами. Для них не существовало табу, только новые уровни игры. Забавы ради они разбрасывали вокруг себя блестящую мишуру, пуская пыль в глаза тем, кто ещё верил в искренность. И, к всеобщему разочарованию, старая как мир поговорка «Пипл хавает» работала исключительно на этих медиа-бездарей: чем ярче фантик, тем громче аплодисменты.

И вот, наша история стартует именно здесь — в городе Кривых Зеркал, где реальность давно сдала позиции, а правда прячется за семью слоями грима. Теперь уже ничего не изменить: остаётся только принять и попытаться понять, как мы сюда попали. Для безопасности автора всё в этом рассказе тщательно завуалировано: имена, названия, даже улицы — всё под покровом художественного тумана. Но мы-то с вами не вчера родились, и прекрасно понимаем, кто есть кто и что к чему.

Г..Лава 1

Маленькая игра больших обещаний

На одной из террас летнего кафе в самом сердце Кривых Зеркал зависал тип с растрёпанными кудрями и в клетчатом пиджаке, который, казалось, пережил не одну революцию. С первого взгляда — неотёсанный, небрежный, даже слегка неуклюжий, как будто только что вылез из чьей-то богемной коммуналки. Но стоило задержаться взглядом чуть дольше — и становилось ясно: этот парень не из местных статистов. В нём была другая энергетика, другая аура, как у человека, который знает слишком много, чтобы просто сидеть и пить кофе.

К..Лава собиралась на эту встречу, как на последний бой. В голове крутились варианты нарядов, но гардероб предательски молчал о чём-то по-настоящему кошерном. А ведь на кону была её судьба — та самая, ради которой она годами шла по острию, отказываясь от всего, что могло бы стать смыслом для кого-то другого. В итоге, отбросив иллюзии, она выбрала уличную классику: джинсы и белая футболка без надписей. Такой ход она подсмотрела у моделей — и, надо признать, с её фигурой могла позволить себе выглядеть как персону, за которой хочется наблюдать. А в Кривых Зеркалах это было уже половиной успеха.

— О-о-о, хай, дорогая! — Джин, как всегда, театрально поднялся со стула, будто собирался сейчас вручать ей Оскар за лучшую женскую роль в жанре «выживание в Кривых Зеркалах».

— Привет, Джин! — К.Лава подошла ближе, обняла его по-европейски и чмокнула в щёку. — Мы так давно не виделись. Спасибо, что нашёл время. Я знаю, как ты загружен, у тебя же всегда миллион дел.

— Of course, милая, ты так права, — Джин улыбнулся своей фирменной улыбкой, в которой было больше тайн, чем в архиве спецслужб. — Сейчас я в процессе сразу нескольких очень серьёзных проектов. Садись, расскажу тебе всё, что можно и даже чуть больше. Надеюсь, у тебя есть свободное время для меня? Я, знаешь ли, скучал.

— Я свободна. Конечно, — К.Лава села напротив, поправила волосы, как будто пыталась спрятаться за ними от собственных мыслей. В его присутствии она вдруг почувствовала себя неуверенно — слишком много культурности, слишком мало привычного цинизма. Она привыкла менять мир вокруг себя, но вот меняться самой — на это у неё пока не хватало ни времени, ни, если честно, желания.

В воздухе повисла пауза, наполненная ароматом кофе, сигарет и тех самых возможностей, ради которых люди приезжали в Кривые Зеркал и оставались здесь навсегда.

— Я заказал тебе потрясающее блюдо, — Джин с видом знатока театрально расправил тканевую салфетку и накинул её на колени. — Здесь его готовят отменно. Не так, конечно, как в моём городе Ангелов, но, поверь, это достойная реплика. Местные повара стараются, как могут.

К.Лаве даже не пришлось заглядывать в меню — официант, будто по сигналу, уже ставил перед ними бокалы вина и аккуратно выкладывал на стол блюда, которые выглядели так, будто их собирались фотографировать для глянцевого журнала. Вокруг, за соседними столиками, сидели такие же предприимчивые персонажи: кто-то в дорогих костюмах, кто-то в платьях, которые стоили как подержанная иномарка. Все они были здесь не просто так — обсуждали сделки, строили планы, делили будущее на части, как торт на дне рождения у миллионера.

На их фоне К.Лава выглядела почти вызывающе просто: джинсы, белая футболка, никакого бренда, только уверенность в осанке и взгляд, который не привык опускаться. Она знала: если не можешь позволить себе роскошь — носи классику, и пусть думают, что это твой личный стиль. Коко Шанель бы одобрила.

— Джин, я хочу показать тебе свою презентацию, если ты не против? — снова, чуть нервно, К.Лава поправила волосы, будто это могло добавить ей веса в глазах собеседника.

— Оу, interesting! — Джин оживился, заёрзал на стуле и деловито поправил свои стильные очки. — Дорогая, ты меня радуешь. Давай, удиви меня, я весь во внимании.

В этот момент за окнами кафе город Кривых Зеркал продолжал жить своей двойной жизнью: кто-то делал ставки на чужой успех, кто-то — на собственное падение. Но сейчас всё внимание было приковано к К.Лаве и её презентации — возможно, к началу новой главы, где ставки были выше, чем просто ужин в модном месте.

— Помнишь, год назад, когда мы встретились здесь с тобой впервые? Я тогда ещё жила в городе Лугов, — К.Лава заговорила чуть тише, будто боялась спугнуть воспоминание.

— Да, да! — Джин кивнул с энтузиазмом, который выдавал в нём профессионала по светской мимике. В его мире такие детали были расходным материалом: главное — выглядеть вовлечённым, а не быть им на самом деле.

К.Лава аккуратно достала из папки презентацию — увесистую, формата А4, с закладками и цветными стикерами. Протянула Джину, и тот, не теряя ни секунды, начал листать страницы, кивая с тем самым выражением лица, которое обычно надевают на премьерах, когда не понимают ни слова, но аплодировать надо.

— Для меня та встреча была судьбоносной, — продолжила К.Лава, следя за его реакцией. — Ты ведь продюсер, человек из самого города Ангелов! Тогда твои слова будто включили свет в моей голове. Я решила не откладывать мечту на потом, не ждать следующей жизни. Я уверена, этот проект можно реализовать здесь, в Крайней стране, прямо в Кривых Зеркалах. Не хуже, чем у тебя на родине. И я хочу сделать это вместе с тобой. Вдвоём. Что скажешь?

В этот момент в кафе стало чуть тише, как будто даже город затаил дыхание, ожидая, что скажет Джин — человек, который привык держать в руках не только сценарии, но и чужие судьбы.

— О, ты знаешь, дорогая, это просто amazing! — Джин откинулся на спинку стула, будто только что увидел трейлер к фильму, который точно соберёт кассу. — Мне очень нравится твой проект. Ты выбрала идеальное направление. Именно здесь, в Кривых Зеркалах, наши компании реализуют все международные — да что там, мировые — проекты такого масштаба. Мне абсолютно импонирует, как ты проделала такую огромную работу не только как автор, но и как, прости за прямоту, весьма толковый маркетолог.

В его голосе не было ни грамма фальши. Такие вещи не сыграешь, если ты, конечно, не актёр с «Оскаром» в кармане.

— Ты не представляешь, как я волновалась перед нашей встречей, — К.Лава выдохнула, будто сбросила с плеч рюкзак с кирпичами. — Если честно, я ожидала услышать критику, может, даже жёсткую. Ты сейчас меня просто отправил в космос. Она не просто удивилась — её реакция была ближе к шоку. В её мире даже за идеальную работу обычно прилетала оплеуха: ни близкие, ни коллеги, ни партнёры не спешили раздавать комплименты. К.Лава так привыкла быть битой, что уже не замечала собственной силы, свято веря в несостоятельность, которую ей вдалбливали с детства.

— Дорогая, ты же знаешь, я люблю общаться исключительно с интересными, харизматичными, талантливыми, креативными людьми. Это моя стихия, это мой бизнес, это мой доход, — Джин улыбнулся, и в его глазах мелькнул тот самый огонёк, который отличает акул от рыбёшек.

— Ну, каково тогда будет твоё решение? Мы сделаем это с тобой? — К.Лава смотрела на него с надеждой, в которой смешались страх, азарт и то самое чувство, ради которого люди приезжают в Кривые Зеркал — шанс начать всё заново, но уже по своим правилам.

Джин, не теряя ни секунды, отправил в рот вилку с салатом, продолжая кивать так, будто уже подписал контракт. Его уверенность была заразной — даже когда он жевал, казалось, что он уже мысленно строит офисы, нанимает команду и раздаёт интервью о новом прорыве.

— Ты знаешь, а почему и нет?! — наконец проглотил и выдал с тем самым киношным энтузиазмом, который мог бы убедить даже камень. — У тебя очень сильный проект. В него можно привлечь большие инвестиции. Я бы сказал, очень серьёзные.

— Как раз об этом я и хотела тебя спросить, — К.Лава чуть подалась вперёд, голос стал тише, но в глазах вспыхнул азарт. — Учитывая твой масштабный опыт, как ты думаешь, сколько нужно денег, чтобы всё это запустить?

Джин взял бокал вина, сделал паузу, потягивая напиток маленькими глотками, будто смаковал не только вкус, но и момент. Эти паузы всегда нервировали К.Лаву — в них было что-то от игры в покер, когда на кону всё, а карты ещё не раскрыты.

— Скажем так! — наконец выдал он, поставив бокал на стол с лёгким звоном. — На первоначальном этапе, чтобы подготовить твой проект к серьёзным инвестициям, а точнее нашему проекту, понадобится не меньше одиннадцати миллионов далласов.

— Обалдеть! — К.Лава чуть не поперхнулась вином. Для неё эта сумма звучала как код от сейфа в банке, где хранят мечты. Её месячный доход в 350 далласов едва покрывал аренду дешёвой студии на окраине столицы, а тут — одиннадцать миллионов. Это был не просто другой уровень, это был другой космос.

В этот момент за окнами кафе город Кривых Зеркал будто замер, прислушиваясь: кто-то только что получил шанс, который выпадает раз в жизни — если вообще выпадает.

— Но есть один очень, очень, просто важный момент, — Джин сделал паузу, глядя на К.Лаву поверх очков, как профессор, который вот-вот объявит о внеплановой контрольной. — Как я уже говорил, у меня сейчас несколько крупных проектов. Работу над ними я не могу ни остановить, ни даже притормозить. А чтобы запустить твой проект, нужен инвестор. И вот тут, дорогая, у меня для тебя не самые радужные новости: времени на поиск у меня сейчас нет вообще. Если ты действительно хочешь, чтобы мы это реализовали, чтобы ты была не просто автором и участником, а настоящим руководителем — поиском инвестора придётся заняться тебе.

Для К.Лавы это прозвучало как ледяной душ. Словно кто-то метко зашвырнул ей в грудь баскетбольный мяч — неожиданно, больно и с хрустом по самолюбию.

— Но... как я это сделаю? — голос её дрогнул, и она впервые за вечер почувствовала себя не героиней, а статистикой. — Я не знаю всех нюансов продюсерской кухни. Я думала, что ты, как продюсер, хотя бы возьмёшь мой проект под своё крыло...

Вся её уверенность, только что расправившая плечи, тут же сдулась, как воздушный шарик после детского праздника. Получить «да» и тут же — леща по щеке: в Кривых Зеркалах даже успех всегда с привкусом испытания.

— Понимаешь, дорогая, — Джин откинулся на спинку стула, сцепив пальцы в замок, — в медиапространстве никто никого никогда не ждёт. Вот тебе бесплатный продюсерский совет: не жди, когда я освобожусь, потому что я не освобожусь никогда. Я всегда буду в потоке проектов с большими, ну просто гигантскими бюджетами. Если хочешь стоять со мной в одном ряду — найди того, кто станет инвестором. Это не так сложно, как кажется. Тем более у тебя уже есть шикарная презентация, в которой разберётся даже младенец.

Он говорил спокойно, почти по-отечески, но в его голосе сквозила та самая стальная нота, которой обычно режут лишние надежды.

— Поступим так, — продолжил Джин, — я здесь ещё две недели. Этого вполне достаточно, чтобы ты проявила инициативу и приложила усилия. Как только найдёшь того, кто готов вложиться в твой проект — сразу сообщи мне. Мы вдвоём проведём твою презентацию: я, как продюсер, обосную все финансовые перспективы и не только. Тогда дело в шляпе. Я верю в тебя, ты способная. Главное — уложиться в эти две недели. Потому что потом я улетаю на четыре месяца, а за это время может случиться всё, что угодно. Планы меняются, люди исчезают, возможности утекают сквозь пальцы.

Он поднял бокал, словно подчеркивая финал сделки, и посмотрел на К.Лаву взглядом человека, который видел слишком много провалов, чтобы раздавать пустые обещания.

Услышав вердикт о своём проекте, К.Лава остаток встречи провела в полубессознательном режиме — кивая, улыбаясь, делая вид, что слушает Джина, который с воодушевлением рассказывал о своих грандиозных проектах. Масштабы были такие, что у обычного человека закружилась бы голова: один из фильмов вот-вот должен был выйти на экраны всех бывших объединённых стран, и это звучало как билет в вечность. К.Лаву одновременно вдохновляло, восхищало и пугало — как если бы тебя позвали прыгнуть с парашютом, а ты только что научился завязывать шнурки.

После встречи она шла по центру Кривых Зеркал, где жизнь кипела, как суп в кастрюле на коммунальной кухне. Каждые десять метров — новый уличный музыкант, танцоры, городские сумасшедшие, которые вписывались в пейзаж не хуже местных достопримечательностей. Иностранцы, приезжие, свои — все перемешались так, что понять, кто есть кто, было невозможно. Город жил в режиме вечного карнавала: улыбки, смех, яркие краски, волны позитива, которые накрывали с головой.

В какой-то момент К.Лава поймала себя на мысли, что не идёт, а буквально плывёт по этим улицам, растворяясь в общем потоке. Но реальность напомнила о себе: нужно было успеть до закрытия метро, ведь жила она на Мысленном массиве — районе, который казался одновременно и частью города, и отдельной вселенной. Путь туда был не из коротких.

Самое острое ощущение пришло у входа в метро, когда К.Лава полезла в карман за жетоном. Там лежали всего два гриваса — четверть уйдёт на метро, четверть на автобус. Завтра останется один, и, если повезёт, он станет билетом в новую попытку. Но сегодня это её не тревожило. Окрылённая мыслями о том, что именно она, именно сейчас может реализовать свою самую заветную мечту, К.Лава чувствовала себя сильнее, чем когда-либо. Деньги — это просто жетоны, а вот шанс — он один на миллион.

Тем же вечером, добравшись до своей крошечной квартиры на Мысленном массиве, К.Лава первым делом поделилась новостями с тем, кто всегда слушал её без лишних вопросов — своей кошкой по кличке Луна. Луна была не просто кошкой, а настоящим талисманом, купленным у местной алкоголички за сто гривасов — сделка века, если подумать. Альбинос с глазами разного цвета: один — голубой, как вода на Мальдивах, второй — янтарный, как осенний закат. И, как водится у таких редких созданий, Луна была абсолютно глухой.

Когда-то К.Лава вычитала в интернете, что у альбиносов-кошек часто случаются генетические сбои, и глухота — почти норма. Большинству людей это показалось бы странным, но К.Лава давно знала: животные ничуть не менее сложные, чем люди, просто у них нет привычки жаловаться. Для неё Луна была не просто питомцем — самым близким существом на всей планете, и это чувство было взаимным.

У Луны был свой фирменный ритуал: каждый раз, когда К.Лава возвращалась домой, кошка проходила между её ног, вырисовывая идеальный знак бесконечности — как будто напоминая, что любовь не кончается, даже если на улице полный завал. И даже если день был тяжёлым, если всё шло не по плану, Луна умела одним своим присутствием стирать невзгоды, как ластик стирает карандашные каракули.

К.Лава взяла её на руки, прижала к себе, и они, как всегда, тёрлись носами — их личный, ни на что не похожий способ сказать друг другу: «Я дома. Всё будет хорошо». И в этот раз было так же.

День был тяжёлым, но Луна, как опытный психотерапевт, одним движением хвоста стирает с К.Лавы весь городской налёт. Они тёрлись носами, обмениваясь энергией, которую не купишь ни за какие гривасы. В этот момент К.Лава вдруг осознала: возможно, весь этот город, со своими мутными депутатами, уличными музыкантами и вечными поисками инвесторов, существует только ради таких вот вечеров — когда ты дома, когда тебя ждут, и когда даже глухая кошка понимает тебя лучше, чем половина знакомых.

Г.Лава 2

Поворот бифуркации

В тот вечер, когда город Кривых Зеркал уже начал подёргиваться неонами и вечерней истерикой, К.Лава получила сообщение от своего наставника — мастера по космоэнергетике по имени Папа-Ратник. Персонаж, достойный отдельного романа: в прошлом — инженер-электрик, в настоящем — энерготерапевт, хилер и почётный член культа Сатьи Саи Баба. Папа-Ратник был тем самым человеком, который мог зарядить телефон взглядом, а человека — обещанием просветления. По его приглашению К.Лава тоже вступила в этот эзотерический клуб, где числилась мастером третьей ступени из семи возможных. Почти как в компьютерной игре, только вместо бонусов — просветление и ощущение, что ты теперь не просто К.Лава, а К.Лава 3.0.

В начале своего духовного пути К.Лава никогда не появлялась на общих собраниях. Все встречи с Папа-Ратником и верховным мастером проходили в приватном режиме — без толпы, без лишних глаз, только энергия, только хардкор. Для неё космоэнергетика была не просто духовной зарядкой, а чем-то вроде апгрейда для всех тел — от тонких до самого что ни на есть физического. Она бы, может, и поспорила с этим, если бы не чувствовала на себе: после каж-

дого сеанса у Папа-Ратника или обряда у верховного мастера она выходила с ощущением, будто в ней поселился внутренний реактор. Шла домой — и не шла, а левитировала над асфальтом, как персонаж Пелевина, который только что вышел из очередной медитации и понял, что деньги — это просто фантики, а любовь — это когда тебя не трогают.

В такие моменты её не терзали привычные мысли: где взять денег, как не поспорить с мамой, где найти любовь, как стать тем, кем быть предназначено. Всё это растворялось после сеанса, и оставалось только одно — ощущение, что просто быть здесь и сейчас уже достаточно. Погода не имела значения: хоть летний вечер, хоть осенний дождь — ей было хорошо просто потому, что она есть.

Именно в такие секунды, когда мозг наконец замолкал, из подсознания всплывали новые идеи, рождались планы, которые потом удивляли даже её саму. Потому что, если быть честными, в этом мире добиться чего-то своим талантом и умом — задача не для слабонервных. Здесь правит всё, что ниже пояса, и, если копнуть любую биографию успешного человека, обязательно найдёшь условия, при которых эти фигуры вылезали на свет благодаря спущенным трусам и удачно выбранным связям. Только за последние годы эта информация стала общедоступной — откровенные интервью «селебрити», мемуары приближённых, сожжённых на звёздном одре. Всё стало прозрачно, как витрина в ювелирном, только вместо бриллиантов — чужие секреты и разоблачения.

В Кривых Зеркалах, где каждый второй — гуру, а каждый третий — его бывший клиент, К.Лава училась не только выживать, но и находить в себе ту самую энергию, которая позволяет идти дальше, даже когда кажется, что весь город играет против тебя.

К.Лава специально проснулась пораньше — не потому, что так советуют коучи, а потому что город Кривых Зеркал по утрам ещё не успевал включить свою шизофрению на полную мощность. Утро здесь было единственным временем суток, когда реальность хотя бы делала вид, что она существует.

Её ритуал назывался просто: «сделать вид, что ты контролируешь жизнь». Холодная вода в лицо до лёгкого шока, десять приседаний, пятнадцать махов руками, три круга «я всё смогу» в голове и чашка растворимого кофе, который честно признавался, что он не бариста, а порошок из супермаркета у метро. Зато бодрит.

В кармане остались жалкие монеты — тот минимум, который в Крайней стране назывался «не погрёшь, если аккуратно». На две поездки в метро и один автобус при сильной экономии. Тратить их на пять остановок до Папа-Ратника было преступлением против будущего. Будущее обидится — и не придёт.

К.Лава натянула джинсы, футболку, кроссовки, глянула в зеркало. Отражение посмотрело на неё как строгий кастинг-директор:

«Ну что, К.Лава, готова играть роль своей жизни бесплатно?»

— Готова, — сказала она зеркалу. Зеркало промолчало, но было видно, что не верит.

До дома Папа-Ратника было не так уж и далеко: пять остановок на автобусе и две на метро, что по меркам «Мысленного массива» примерно одно измерение по диагонали. Она решила дойти пешком. Во-первых, сэкономить деньги на действительно дальний путь. Во-вто-

рых, её мозгу нужен был километровый коридор, где можно бесконечно гонять по кругу один и тот же вопрос: «А я вообще понимаю, во что лезу?»

К.Лава любила ходить пешком. В этом было что-то до смешного древнее: когда ты идёшь, мир не может уехать от тебя на такси. Каждый шаг превращался в маленький сеанс психотерапии: левая нога — «что я хочу», правая — «что мне предлагают», левая — «где меня обманут», правая — «как сделать вид, что я не заметила».

Город в это время напоминал актёра после премьеры: размазанный грим, подпухшие вывески, мусорные баки, полные вчерашних иллюзий. Где-то на углу дворник местной коммуналки лениво сметал в кучу вчерашнюю вечеринку. Из подвала выползала кофейня, высывая наружу стулья, как язык после бессонной ночи.

К.Лава шла, и в голове у неё шёл совершенно другой фильм — без кофеен и дворов:

«Вариант первый: Папа-Ратник скажет, что всё это „знак Вселенной“, и благословит. Вариант второй: скажет, что это кармическая ловушка, и пошлёт Джина куда подальше, а меня — в ретрит. Вариант третий: улыбнётся своей полу-просветлённой улыбкой и предложит „найти баланс“. Баланс — это, как правило, когда всем выгодно, кроме тебя».

Она проговаривала возможные реплики вслух, благо утренние улицы ещё не до конца проснулись и могли списать это на гарнитуру в ухе, которой у неё не было.

— Папа-Ратник, а если этот человек... — произнесла она в пустоту. — Если ему нужна не я, а просто чистая морда обложки?

Прохожий с пакетом посмотрел на неё и ускорил шаг. По выражению лица было видно, что он выбрал вариант «гарнитура».

Ещё квартал — и в голове появился Джин:

«Это не так сложно, как кажется, дорогая. Главное — не бояться больших цифр. Большие цифры боятся тебя».

Цифры её не боялись. Они сидели в блокноте и нагло ухмылялись: «Одиннадцать миллионов далласов, детка. Ты уверена, что твой потолок — не люстра в твоей съёмной комнате?»

Она остановилась у перехода, дождалась зелёного и, пока машины слушали свои сигналы, мысленно прикинула: одиннадцать миллионов при её доходе в 350... если складывать по гри-васу, то к моменту, когда сумма соберётся, Крайняя страна уже успеет переименоваться раз пять и пережить два апокалипсиса.

Через час пешего диалога с собой она оказалась у «хрусталика» — дома Папа-Ратника. Серый панельный гигант выглядел как пенсионер, который когда-то мечтал стать небоскрёбом, а в итоге стал девятиэтажкой с балконами в клеточку.

Подъезд, как обычно, встречал запахами: кошки, благовония и чья-то с вчерашнего вечера надежда на новую жизнь. Лавке у входа не доставало только таблички: «Здесь сидят ваши прошлые решения и ждут, пока вы вернётесь».

К.Лава поднялась по ступенькам, на ходу повторяя последние вопросы:

«Спросить прямо: кто этот человек? Спросить мягко: что он от меня хочет? Спросить жёстко: где граница между „инвестор“ и „обналичка с мантрами“?»

У двери Папа-Ратника её встретили уже знакомые белые тапочки размером «все ваши проблемы — не больше сорокового». Она вздохнула, ещё раз мысленно пробежала чек-лист:

— Не продаваться. Не играть в дурака. Слушать между строк. Не вестись на «ты избранная». Помнить, что Луна дома, и ей пофиг на все ваши инвестфонды.

Она нажала на звонок.

Дверь распахнулась почти сразу, как будто Папа-Ратник стоял там, считывая её мысли сквозь глазок.

— О, моя световая! — протянул он, как будто они уже продолжали вчерашний разговор. — Ну что, готова встретиться со своими возможностями?

«Или с проблемами», — добавила она про себя, но вслух сказала:

— Готова.

Потому что в Крайней стране «готова» означало не то, что ты всё продумала, а то, что у тебя больше нет другого выхода.

— Тогда приветствую тебя! — Папа-Ратник распахнул дверь так, будто это портал на следующий уровень. — Ты как раз вовремя, я только закончил сеанс с клиенткой.

— Люблю, когда всё вовремя, — сказала К.Лава, стянув с плеч рюкзак. — Мне очень нужно поговорить с тобой об одной... очень важной для меня теме.

— Обязательно поговорим, — кивнул он. — Но сначала давай почистим тебя.

Он произнёс это без намёка, но так настоятельно, что спорить было бы всё равно что спорить с гравитацией. Да и сил возражать у К.Лавы не было: последние месяцы её и так не отпускало ощущение, что даже во сне она работает по ночной смене. Сон не отдыхал — он приносил кошмары: из прошлого, из потустороннего, из какого-то мерзкого будущего, которое ещё не наступило, но уже успело себя плохо вести.

Она прошла в зал, где всегда стоял полумрак. Не мрачный — скорее выверенный, как освещение в музее, где экспонат — ты. Шторы прикрыты, лампа под абажуром, благовоние дымится в углу, создавая видимость тибетского филиала посреди потенциальной хрущёвки.

К.Лава легла на кушетку, привычно выстроенную посреди комнаты как взлётную полосу для душ. Закрыла глаза, развернула ладони вверх — жест сдачи в плен высшим силам и одновременно жест надежды, что они сегодня хотя бы будут на связи.

Папа-Ратник встал у изголовья, поднял ладони над её телом и начал свой фирменный дыхательный марш. Он набирал в лёгкие воздух так, будто собирался инфляцией решить все мировые кризисы, а затем, опуская руки, выдыхал, как будто вместе с воздухом отпуская вон весь этот ненужный человеческий хлам: страх, вину, вчерашние переписки.

Принцип чистки у него был прост и одновременно запредельно заморочен. Снаружи — всего лишь мужчина в тунике, который шепчет себе под нос и машет руками над женщиной, лежащей с закрытыми глазами. Внутри — целый синтез религий, сект, эзотерики и технического образования. Папа-Ратник произносил не молитву и не мантру, а что-то среднее между служебной запиской во вселенскую техподдержку и древним заклинанием:

он благодарил всё, что только можно себе представить, обращался сразу ко всем, к кому человечество, когда-либо умудрилось молиться, и просил за К.Лаву так, будто заполнял коллективную заявку на продление её лицензии на жизнь.

Эта просьба вмещала в себя все известные ему веры, учения и курсы личностного роста. Если, где-то наверху действительно существовал общий чат богов, святых, вознесённых мастеров и корпоративных ангелов, то сейчас туда точно приходило уведомление:

«Просьба №42. Объект: К.Лава.

Страна: Крайняя.

Запрос: очистка, защита, допуск к следующему уровню игры. Срочно».

С каждым его выдохом тело становилось тяжелее, а голова — легче. Мысли, которые ещё час назад маршировали строем, теперь отступали, как плохо мотивированная армия. На какое-то время К.Лава позволила себе роскошь — не думать ни о одиннадцати миллионах, ни о Джине, ни о «зонтике» для чьих-то активов. Только дыхание, полумрак и тихий голос, который стягивал с неё липкие слои городской усталости, как старые обои.

Где-то на краю сознания она ещё помнила, что пришла сюда за ответом. Но сначала — чистка. В Крайней стране, прежде чем задавать вопросы, нужно хотя бы попытаться перестать быть собственным шумом.

— Ну как ты? — полусёпотом спросил Папа-Ратник.

К.Лава ещё лежала на кушетке, полностью расслабленная, как будто её вытащили из центрифуги и аккуратно положили на облако. Выходить из этого состояния не хотелось категорически. Она чувствовала себя погружённой в какое-то прозрачное желе спокойствия, где звуки глухнут, а мысли ходят босиком.

— Очень хорошо, — томно ответила она, не открывая глаз. — Если бы так можно было провести целый день, я бы даже не раздумывала ни минуты.

— Какие ощущения были? Видела, что-нибудь? — Папа-Ратник спрашивал не из вежливости. Он знал её реакции: иногда во время чистки К.Лава начинала улыбаться во сне или тихо смеяться, словно ей снились смешные мемы из прошлых жизней.

— Лёгкость, — она наконец приоткрыла глаза. — Будто я перышко. Если сейчас подует ветер, есть ощущение, что меня минимум подхватит и унесёт. В этот раз ничего не видела — просто была расслаблена. Как будто кто-то выключил внутренний телевизор.

Пока К.Лава медленно возвращалась в вертикальное состояние, Папа-Ратник ходил по комнате вокруг неё, как техник после запуска реактора. Тушил свечи, поправлял чётки, распахивал тяжёлые тёмные шторы. В окно сразу хлынул солнечный свет, полумрак растворился за секунду, и зал снова стал обычной комнатой, в которой почему-то пахнет Индией и стрессом реального мира за окном.

— Рассказывай, с чем пожаловала? — он присел напротив, подперев подбородок ладонью. — Я так понимаю, у тебя что-то очень важное происходит?

— Помнишь, я тебе давно рассказывала, что познакомилась с одним продюсером? — К.Лава села на край кушетки, поправила волосы, будто вместе с ними приводила в порядок мысли. — Я вчера с ним встречалась и показала ему презентацию моего проекта.

— Интересно, — Папа-Ратник чуть подался вперёд. — И, что он сказал?

— Вот как раз по этому поводу я и пришла посоветоваться, — она усмехнулась, но в усмешке было больше тревоги, чем юмора. — Ему всё очень понравилось. Сегодня я отправила ему на почту сценарий и остальные детали проекта. Но есть один нюанс. Сейчас он очень загружен другими проектами, и мы договорились, что будем работать вместе при условии, если я за две недели найду заинтересованного инвестора для пилотной версии.

— Инвестора, — задумчиво повторил Папа-Ратник. — То есть в этом проекте ты будешь не просто автором, но и чем-то вроде продюсера?

— Почти, но не совсем, — К.Лава вздохнула. — Ты же сам знаешь, у меня нет такого опыта. И связей таких нет. Я знаю, что ты общаешься с людьми из разных кругов, — она посмотрела на него испытующе. — Может, у тебя есть кто-то из сферы кинопроизводства? Или, скажем так, из тех, кто может позволить себе вложиться в что-то большее, чем ещё одну квартиру для сдачи.

Она старалась говорить спокойно, но каждое слово звучало как попытка не выдать главное: ей страшно. Страшно, что сейчас Папа-Ратник скажет: «Нет таких людей», и тогда её две недели превратятся в обратный отсчёт до очередного провала. Или, что ещё хуже, он скажет: «Такие люди есть» — и включит её в игру, правила которой она пока даже не видит.

— Фантастика какая-то, — Папа-Ратник поднял брови. — Как раз вчера был на встрече с мастерами, и там присутствовала одна девушка. По-моему, она говорила, что сейчас работает с компанией, которая снимает у нас сериал. Дай минуту, я позвоню, уточню, можно ли взять её контакты, чтобы ты с ней встретишься и обсудила свой вопрос.

Он уже доставал телефон, выходя в коридор. Дверь мягко закрылась, оставив К.Лаву наедине с её новорожденной надеждой.

Она сидела на краю кушетки и не верила, что всё это происходит именно сейчас.

Вчера — Джин, продюсер из города Ангелов, которому понравился её проект и который готов работать с ней, если она найдёт инвестора. Сегодня — Папа-Ратник, который, как по заказу вселенной, внезапно вспоминает о девушке из реального кинопроизводства. Слишком красивое совпадение даже для Крайней страны, где совпадения были основной валютой.

Душу К.Лавы переполняло что-то очень похожее на детскую радость. Ту самую, которая бывает лет в пять, когда ты видишь, как родители в предновогодней суете носятся по дому,

прячут пакеты, шепчутся в коридоре, а ты делаешь вид, что ничего не замечаешь, хотя каждая клетка тела уже живёт в моменте, когда пробыёт двенадцать, все начнут обниматься и вытаскивать из-под углов подарки. Примерно так сейчас чувствовала себя К.Лава: будто мир наконец-то решил сыграть за неё, а не против.

Не прошло и минуты, как Папа-Ратник вернулся в комнату, что-то быстро клацая по экрану телефона.

— Всё, лови, — он поднял взгляд. — Я отправил тебе её контакт. Зовут Анфиса. Она ждёт твоего звонка и, как сказала, сейчас не занята. В принципе, может встретиться с тобой уже сегодня.

Телефон в руке К.Лавы коротко вибрировал, подтверждая: чудо не только случилось, но и пришло в мессенджер с аватаркой.

Внутри у неё на секунду всё перевернулось: вот она, та самая точка бифуркации, про которые любят говорить эзотерики и сценаристы. Один звонок — и либо всё это обернётся новой жизнью, либо очередной уроком о том, что в Кривых Зеркалах даже чудеса приходят с подвохом.

Г..Лава 3 **VK**

Неужели ожидания К.Лавы действительно начали сбываться? Для неё это было почти научной фантастикой. Обычно схема жизни выглядела так: она чего-то очень хочет, готовится, ждёт, раскручивает внутри кульминацию — и в момент «X» реальность разворачивается к ней спиной и уходит курить. Вместо салюта — тухлая хлопушка, вместо прорыва — очередное «ну, в следующий раз».

А сейчас всё было как-то по-другому, даже подозрительно по-другому. Было ощущение, что та самая чёрная полоса, начавшаяся примерно в день её рождения и тянувшаяся через все школьные, институтские и постапокалиптические годы, наконец-то доковыляла до конца. И вот она уже почти одной ногой на белой — осторожно нащупывает носком, не растворится ли эта полоса, как фейковый принт на ковре в икеевской шоуруме.

К.Лава сразу открыла мессенджер, нашла контакт, который ей прислал Папа-Ратник, и нажала «Позвонить». Гудки были короткими, как вдох перед прыжком.

На том конце линии ответили почти сразу. Голос оказался спокойным и деловым, без той усталой высокомерности, которой обычно разговаривают люди «из индустрии».

— Да, здравствуйте, это Анфиса, — сказала молодая женщина. — Папа-Ратник уже предупредил, что вы свяжетесь.

К.Лава вкратце рассказала, кто она, какого плана проект у неё в руках, что у неё уже есть — сценарий, презентация, концепция — и чего не хватает, чтобы всё это перестало быть файлом в компьютере и стало хотя бы пилотной серией.

Анфиса слушала не перебивая, только иногда вставляла уточняющие вопросы. Не было ни показного восторга, ни скептического «ну-ну, давайте ваш стартап». Скорее профессио-

нальный интерес человека, который привык разбирать по косточкам чужие идеи и смотреть, какие из них ещё дышат.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Давайте так. Я сейчас как раз заканчиваю встречу в одном кафе в центре. Приезжайте, покажете материалы, поговорим спокойно. Адрес скину вам сообщением. Сможете быть минут через пятнадцать?

— Смогу, — почти не задумываясь, ответила К.Лава.

Сказала — и только потом сообразила, что до «центр-центра» ей придётся добираться в режиме срочного квеста: часть пути бегом, часть — на остатках бюджета. Но отступить было поздно. В этот раз она решила: если белая полоса действительно существует, то до неё нужно хотя бы дойти своими ногами.

Бурлящая жизнь Кривых Зеркал в час пик на удивление поддалась К.Лаве. Метро, которое обычно превращалось в консервную банку с людьми, сегодня вело себя почти галантно: вагоны не были забиты до предела, двери не пытались откусить ей рюкзак. Она быстро доехала до центра и выскочила прямо в гущу событий.

Кафе она знала — то самое, где ещё вчера сидела с Джином. Ноги сами вывели её к знакомому фасаду минута в минуту. Когда К.Лава вошла внутрь, ей даже не пришлось набирать Анфису, чтобы понять, где та сидит.

За столиком у окна, спиной к залу, сидела девушка, которую невозможно было принять за случайную гостью. Высокая, очень красивая, с длинными прямыми светлыми волосами, в идеально выверенном городском образе «деловая, но не душная». На фоне остальных посетительниц она смотрелась примерно так же, как фирменный логотип на фоне стоковых картинок.

К.Лава мгновенно считала: перед ней не просто амбициозная натура, а человек, который чётко ориентируется в правилах игры. В этих джинсах и футболке она снова почувствовала себя героиней в рабочем черновике — но отступить было поздно.

Анфиса подняла глаза, улыбнулась — без сюсюканья, по-деловому тепло.

— К.Лава? — уточнила она.

— Да, — кивнула К.Лава, протягивая руку. — Спасибо, что нашли время.

— Конечно, садитесь. Давайте смотреть, что у вас.

Презентацию Анфиса пролистывала быстро, но не машинально. Останавливалась на ключевых слайдах, задавала короткие, точные вопросы. Вещи, которые К.Лаве при предыдущих встречах приходилось объяснять по три раза, она тут озвучивала сама:

— Здесь — потенциал франшизы... это можно развернуть в сериалы и шоу... вот тут очевидная точка входа для международных партнёров...

К.Лаве оставалось только кивать и удивляться, как легко кто-то другой читает то, что она столько времени пыталась донести до мира.

— Хороший проект, — наконец сказала Анфиса, закрывая папку. Сказала не с восторгом подружки, а как человек, который привык выдавать приговоры бюджетам. — Я знаю, кому его можно предложить. У меня как раз после тебя встреча с этим человеком.

— Ты шутишь? — К.Лава на секунду потеряла опору. В её реальности такие фразы обычно сопровождались смайликом и «ну это если звёзды сойдутся».

— Нет, я вполне серьёзно, — спокойно ответила Анфиса. — Ты ещё располагаешь временем? Думаю, тебе стоит остаться. Сразу обсудим все возможности. Не вижу смысла что-то откладывать и переносить. Тем более Папа-Ратник мне чётко обозначил твой дедлайн.

— Да, я только за, — сказала К.Лава.

Где-то на уровне солнечного сплетения что-то тихо взорвалось фейерверком. Она вдруг поняла: вот он, тот случай, когда Вселенная не просто подмигивает, а практически машет флагом «ну давай уже, иди».

Дальше всё происходило как в кино.

В кафе вошёл мужчина средних лет: небольшой рост, округлый живот, блестящая лысина, которая честно отражала свет, не претендуя на романтику. Такой типаж обычно играет в сериалах бухгалтера, но в Кривых Зеркалах именно такие люди часто решали, каким будет следующий хит. Это был один из учредителей продакшн-компании, базирующейся в городе. Его команда в основном работала с кинокомпаниями соседней страны Ра — странно, учитывая, что политические отношения между странами напоминали затяжной семейный скандал. Но бизнес в Крайней стране давно жил по своим, вне государственным законам.

К.Лава поймала себя на мысли: она что, угодила в сказку? Такого просто не могло быть, чтобы за столь короткий промежуток времени всё складывалось настолько гладко. Продюсеру понравилось. Потенциальному инвестору — тоже. Анфиса видит перспективу. Все кивают, все «за», проект летит вверх как шарик с гелием.

Такое она раньше видела только в фильмах, где главная героиня за одну серию успевает и карьеру построить, и любовь найти, и карму почистить. Но сейчас всё это происходило здесь и сейчас, в реальном кафе с липкими столами и слегка подгоревшим запахом кофе.

Тупить было нельзя. Никаких «я подумаю». Важно было включить полный напор и схватить свою птицу счастья — пусть даже сама формулировка всегда вызывала у К.Лавы истерический смех.

Каждый раз, когда она слышала про «птицу счастья», воображение подсовывало один и тот же гэг: ранним утром на главной площади Кривых Зеркал собираются все, кто верит в «судьбоносный шанс», и носятся по кругу за ярко-синими курами. Не орлы, не фениксы, не какие-то мифические жар-птицы, а самые обычные куры, просто выкрашенные в ядовито-голубой. Почему куры? Да потому что истории успеха в Крайней стране рассказывали и продавали так легко, что никакого величия за ними уже не чувствовалось. Слишком часто под видом редкой птицы выдавали банальную домашнюю птицу, чуть припудренную и пересказанную.

И всё же, как бы цинично она к этому ни относилась, свою удачу надо было хватать за хвост — независимо от того, кем она окажется: курицей, павлином или вообще какой-нибудь диковинной перелётной тварью. Главное — схватить так крепко, чтобы, если вдруг птице вздумается рвануть в небо, у неё не осталось другого выхода, кроме как лететь вместе с тобой.

Это тот факт, который рано или поздно выясняет каждый, кто всерьёз идёт к своей цели. Никого не надо гладить против перьев, никому не надо кланяться до земли. Просто, когда момент приходит, хватать нужно мёртвой хваткой.

Г..Лава 4

Лестница судьбы

Вечер был почти чёрным, только фонари плясали лимонными пятнами на мокром асфальте. К.Лава стояла под вывеской, будто маяк для возможности, и листала в голове слайды

как карточки: первая — проблема, вторая — решение, третья — цифры, четвёртая — почему мир должен полюбить этот проект. Джин опаздывал. Тридцать минут — как целая жизнь в её нервной шкале.

Она посмотрела на часы. Тридцать одна. Тридцать две. В кармане телефон гудел, пустые письма Джина оставались без ответа, её почта — сплошные «прочитано». Сердце калечило ожидание не меньше, чем отказ.

Он появился, как будто выходил не из машины, а из другого фильма: расправленный пиджак, лёгкая небритость, улыбка, от которой почти всегда пахло чем-то выгодным.

— Джин, — сказала она резко, как приём входного удара. — Ты собираешься объяснить, почему опоздал на тридцать минут?

Он остановился на шаг, как актёр, который никогда не торопит аплодисменты.

— Ты опоздала со страхом, К.Лавочка. Реальность вышла покурить и сейчас выбирает, чьи мечты сегодня сгорят. Если что, я здесь, чтобы этот процесс монетизировать, — ответил он легко. — Не только у тебя есть проекты, дорогая.

— Понимаю, — кивнула она холодно. — Но у нас тут не «дорогая», у нас — дедлайн. В этом офисе, куда мы идём, за опоздания платят не улыбками.

Он улыбнулся шире — улыбка, которой грешили все, чьи подписи стояли на договорах.

— Моя подпись — хорошая страховка, — произнёс он, будто читая трофейную фразу из каталога. — Но, если хочешь драму — давай устроим. Только помни: драму любят, деньги — нет.

Она посмотрела на него так, словно оценила цену этой улыбки — и решила её принять. Потому что сейчас важнее было другое: дверь на второй этаж и двадцать пар взглядов за столом. Опоздания можно простить, если за ними идёт гарантия. Если нет — проще бы было уйти и перевернуть все страницы в блокноте заново.

— Тогда идём, — сказала она. — И помни: сегодня твоё имя здесь не главное. Главное — проект. Если ты готов подписываться — подписывай. Если нет — давай решим это здесь.

Он кивнул, серьёзный на секунду. И вместе они шагнули в подъезд, где лестница вела вверх к месту, где решаются судьбы.

— Не переживай, — Джин махнул рукой так, будто отмахивался от мелких неприятностей. — Моё имя всё компенсирует. Как только они поймут, кто перед ними, всё решится само собой. Поверь мне, дорогая.

К.Лава не ответила. Она знала цену больших имён и цену пустых слов — обе были маркированы одинаково плохо. Но сейчас время было на исходе: либо проект полетит, либо останется в виде ещё одного хорошего файла с красивыми слайдами.

Они вошли в парадную. Лестница отмеряла секунды, но К.Лава чувствовала, как этих секунд хватает, чтобы ещё раз прогнать в голове ключевые фразы. Дверь на второй этаж открывалась тихо, как будто сама решала не тревожить приговор.

В зале было десять человек — и каждый из них выглядел так, будто бывал на сотнях подобных спектаклей и не собирался позволять себе удивляться. Режиссёр с глазами, от которых искры летели по кадрам, продюсер с ногтями, аккуратно подстриженными под подписи контрактов, оператор, который держал взгляд так, будто считывал свет через кожу, и несколько инвесторов — лстыиво улыбающиеся и холодно считающие.

К.Лава вошла с тем чувством, которое описывают в книгах: «в сердце — буря». Но в её руках была рутина лучшего сорта — папка с презентацией, запомненные ответы и ровный вдох. Один шаг за другим, прямо к столу, где решались судьбы.

— Добрый вечер, — сказала она чётко, не скорчив лицемерной улыбки. — Меня зовут К.Лава. Спасибо, что пригласили.

В зале прозвучало короткое «а-ха», кто-то кивнул, кто-то сделал пометку. Голос режиссёра, холодный и точный, разрезал воздух:

— Вы глубоко погружены в образ города. Но скажите прямо: почему мы должны поверить вам больше, чем всем остальным?

К.Лава не отказалась от риторики — она дала фактуру:

— Потому что это не просто ещё одна история. Это карта, по которой люди узнают себя в детстве. Мы даём не только сюжет — мы даём платформу для откровения: локальные герои, реальные конфликты, формат, который масштабируется. И цифры у нас не просто на бумаге — у нас дорожная карта. (Она кивнула в сторону слайдов.) Это не риск ради искусства — это инвестиция с контролируруемыми точками входа и выхода.

Вопросы полетели плотной очередью: про бюджет, про риск, про команду и про выгорание аудитории. К.Лава отвечала коротко, по делу, иногда отбивая острые подколы так же ровно, как режиссёр режет лишнее.

Джин сидел немного в стороне, улыбаясь, как человек, у которого есть козырь. Но в зале знали цену улыбки — и когда пришло время, голос инвестора, старой закалки, прозвучал без тепла:

— Мы готовы вкладывать, но поэтапно. На пилот — треть суммы. Нужен гарант и прозрачная отчётность. Кто берёт на себя гарантию?

В этой тишине, когда воздух пахнул ожиданием, Джин встал плавно и сказал просто:

— Я подпишу. Я — гарантия проекта.

Под этим словами в зале переменялся баланс: скепсис не исчез, но приобрёл форму. Стороны обменялись взглядами, условились о следующей стадии проверки и о формате договора.

К.Лава вышла из зала с ощущением, что прошла через сито: часть слабостей ушла, часть осталась — но самое главное случилось. Слова стали будущим контрактом на бумаге, и теперь дело зависело от людей, которые умели считать цифры быстрее эмоций.

К.Лава поспешила к Джину, голос чуть дрожал — не от холода, а от того, что сейчас нужно было ловить момент.

— Давай продолжим вечер? — предложила она прямо, — обсудим шаги, бюджет, контакты. Мне важно твоё видение по дистрибуции.

Он посмотрел на неё так, как обычно смотрят на людей с хорошими идеями — не потому, что идеи плохи, а потому что времени на них нет.

— У меня гора дел, — ответил Джин сухо. — Не могу сегодня. Извини, реальная жизнь зовёт.

Её улыбка задрожала. Она ожидала, возможно, энтузиазма — а получила деловую вежливость с ноткой усталости. В душе промелькнуло раздражение: на встрече он говорил слишком спокойно, почти отстранённо, словно проект для него — очередной пункт в списке. Но гнев тут же сменился другим чувством: благодарностью и лёгкой эйфорией.

— Понимаю, — сказала она ровно, — тогда свяжемся завтра. Спасибо за поддержку сегодня.

Он кивнул, довольно механично. Они вышли на улицу в разные стороны; Джин растворился в тених центра города, а у неё под ногами всё ещё звенели только что услышанные «да» и формальности по контракту.

Ночь в Кривых Зеркал ложилась, как краска на старую афишу — местами сыпалась, местами блестела. Город смаковал свои последние сцены: вывески шептали, трамваи чесались металлом по рельсам, бармены доедали остатки реплик. К.Лава шла, и её шаги звенели в пустых арках — как будто она шла по собственному саундтреку, который написал весь город одновременно.

Пятнадцать километров — это не прогулка. Это маленький экзамен. Но сегодня её ноги сносились не от усталости, а от какого-то приятного предательского чувства, похожего на то, когда душа внезапно решает взлететь, а тело продолжает заботливо держать маршрут. В груди у неё билось не просто счастье. Это было счастье с подсчётом: «есть шанс», «есть подпись», «есть слово Джина, а он обычно платит по счетам, даже если не всегда платит душой».

Г.Лава 5

МАМАСита

Ей вдруг захотелось поделиться этим трепетом с тем человеком, который знал её до того, как она научилась скрывать морщины своей надежды — с мамой. Мамасита у неё была особенная: могла сварить суп, который помнил детство, и при этом уверенно подписывать заказы на новые жизни. К.Лава знала, что сейчас у мамы в другом часовом поясе — где-то уже глубокая ночь, где-то на кухне может стоять чайник, а вместо мыслей — сны о телевизоре. Но радость требовала свидетельства. Даже если это свидетельство спало.

Она достала телефон, пальцы дрожали — не от холода, а от того самого электричества, которое бывает перед большой премьерой. Написала коротко, как шот: чисто, прямо и с тёплой обманчивой наивностью:

«Привет, мамуличка. Знаю, ты, наверное, спишь, но не могу не сказать: сегодня была встреча с продюсером из города Ангелов и будущими инвесторами. Возможно, скоро всё поменяется. Люблю тебя».

Сообщение ушло в ночное небо, как бумажный самолётик: тихо, без фанфар, но с курсом в даль.

И тут же, тем же пальцем, она дописала второе — на случай, если первое выглядело слишком театрально:

«PS: всё прошло лучше, чем я ожидала. Не пугайся, если завтра буду звонить и просить денег не на хлеб, а на съёмки».

Она отправила и усмехнулась: её юмор был защитной бронёй — так легче просыпать тревожные мысли на подушке чужих слов. В ответ ей не пришло ничего — только гудки сети и еле слышный шелест ночи. Но даже этот неподтверждённый акт был актом: она поделилась своей надеждой и тем самым сделала её реальностью на пару миллиметров ближе.

Шаги продолжали вести её домой. По пути она видела фрагменты жизни города — кого-то, кто продавал светильники как идеи, кого-то, кто танцевал ради лайков, и старушку, которая поправляла гирлянду своих воспоминаний. Всё это казалось теперь кинолентой, где она — и режиссёр, и статист, и зритель, и продюсер своей маленькой удачи.

В глубине, за её рёбрами, что-то тихо потянулось — как тонкая нитка, ведущая к дому, к Луне, к маме. Нить была хрупкой, но тянулась уверенно. И пока город шевелился в своей привычной многослойной лжи, К.Лава шла по прямой. Сегодняшний шаг был первым в том

маршруте, где шанс — не просто слово, а рабочее название нового проекта, которое скоро станет титром на экране её жизни. Ночное смс маме и...

Утром телефон завизжал, будто кто-то в подъезде начал угонять скутер. К.Лава взяла трубку ещё на ходу — в голосе у неё был коктейль усталости и эйфории.

— И куда ты влезла? — рыкнула мамина «рация» с другой стороны линии. — Почему ты не можешь жить как все нормальные люди, ходить на работу? Ты так и не выйдешь замуж, слышишь? Чего молчишь, там хоть людей заинтересовала твоя история?

К.Лава улыбнулась, но улыбка была короткая, как трейлер к фильму.

— Доброе утро, мам, — ответила она спокойнее, чем чувствовала. Сердце колотилось, будто барабанщик на репетиции: — Я проделала огромную работу. Их заинтересовало. Я работаю — просто не в офисе с ксероксом, а в другом режиме. Для нас стараюсь, чтобы жизнь стала лучше.

На том конце провода послышалось короткое хмыканье, в котором была вся та любовь, что умеют выражать мамы, воспитанные в больших семьях с шестью сестрами и братцем.

— А чего же лучше? Сколько же тебе за это заплатили? — мамасита говорила так, как будто держала в руках весы и примеряла на них каждую мечту.

— Пока деньги не пришли, — призналась К.Лава, — но всему своё время. Кучково ведь тоже не сразу построили.

— И кто затем будет оплачивать квартиру? — в голосе матери было не только упрёк, но и менеджерская рациональность, закалённая в очередях на рынок и ночных вахтах у плиты. — Ты свою философию как-то на ходу оплатишь?

— Я подрабатываю, как все, — ответила она, — просто не вижу смысла ходить каждый день на ненавистную работу ради аренды и хлеба. Хочу другое: жильё своё, путешествия, чтобы радоваться. Иногда надо вложиться и потерпеть ради результата. Я не ворую, не убиваю — я делаю своё дело. Я думала, ты порадуешься, а не начнёшь паниковать.

Мамасита не отпускала ни одной детали — счёт на калькуляторе у неё в голове работал в три смены.

— Так объясни мне: пять лет университета — зачем? Чтобы заниматься вот этой ерундой? Эти «инвесторы» — сколько денег они готовы дать? Ты в участниках уверена? Тебя же кинут, как на рынке кошелёк.

К.Лава в этом вопросе была железно непреклонна: брак — не финансовая палочка-выручалочка. Скорее наоборот. Она хотела свободу покупать то, что считает нужным, и при этом — если уж выйдет замуж — иметь право подарить мужу подарок на свои деньги. Чтобы подарки и успех были их общим продуктом, а не залогом чьей-то зависимости. Это не феминистская манифестация ради красного словца — это прагматичная стратегия выживания в Кривых Зеркал: хочешь контролировать сюжет — держи кошелёк при себе.

Старую гвардию таким словам было не переучить — не потому, что они глупы, а потому что им так проще. Старость привычек — это мост, который они берегут, чтобы не смотреть в пропасть. Они научились оправдывать свою несостоятельность удобными тезисами и утешениями — не хватало вкуса к жизни, но зато есть стабильность и вера, что так и надо. К.Лава же верила в другой маркетинг: риск, усилия, и потом — плоды. Её идеал был не в том, чтобы доказать, что-то кому-то, а в том, чтобы построить дом, в который захочется прийти всем.

К.Лава закрыла глаза на мгновение, представив мать с её шестью сестрами в военной стойке, готовую на раз поднять тревогу. Потом вдохнула и ответила ровно, как человек, который учился выстраивать аргументы в уме:

— Университет дал мне мозги, не страхи. Инвесторы — люди с именами, которых я проверила. Да, риски есть — без них вообще никуда. Но у нас есть план и гарант, и юристы на проверке. Я не одна на поле, мам. Пойми: или я рискну сейчас, или буду всю жизнь платить чужому дому чужую аренду и смотреть, как другие делают то, что могла бы сделать я.

На другом конце провода послышался тихий вздох — смешанный: и беспокойство, и смягчение.

— Ладно, — сказала мама через несколько секунд. — Только если что — не думай, что я тебя не поддержу, но и не спускаю с тебя глаз. Знаю я эти ваши «гаранты». Не сворачивай с дороги, а то вернёшься ко мне домой со всеми своими «проектами» и без гарантий.

— Я помню, мамасита, — шепнула К.Лава и почувствовала, как что-то тёплое расплзается внутри: мама напомнила ей, что за каждой будущей премией стоит семья, и что их мнение — тяжеловесный голос, с которым придётся торговаться не меньше, чем с инвесторами.

Она отложила телефон, ещё раз глянула на город в заре, и шагнула дальше — теперь шаги были не просто счастливыми, а решительными, пусть даже в уме.

Г.Лава 6

Надо уметь ждать

Дни до следующей встречи тянулись предательски медленно, как старая пленка в видео-проигрывателе. Ожидание грызло её нервы: хотелось уже взяться за работу, начать процесс превращения бумаги в движение. Она представляла своё утро: проснуться, проверить почту, мчаться в офис, принимать звонки, приезжать на площадку и смотреть, как кадры складываются в историю. Видела себя с ассистентом на фабрике промопродукции, где печатают футболки, пакуют мерч и клеят наклейки — и всё это с её лейблом, её логотипом, её авторством.

А больше всего она грезил о премьере. Дне, когда свет прожекторов упадёт на экран, и в зрительном зале окажутся все — от тех, кто дал деньги, до тех, кто таскал кабели ночью. Она видела, как кто-то утирает слезу, как кто-то шепчет: «А помнишь, как всё начиналось?» — и как в этот момент кто-то обязательно вспомнит, что без неё этого бы не случилось. Не из тщеславия, а из простого факта: проект родился, потому что кто-то был достаточно упрям, чтобы довести его до жизни.

Мечты, конечно, были роскошью — но разве не лучше мечтать при полном желудке? Она улыбнулась сама себе, достала телефон и написала короткое сообщение: «Скоро подъеду». Этот набор букв был прост и точен, как сигнал к старту — и в тот момент это было одно из самых приятных ощущений в её жизни: маленькая победа в ряду больших битв.

Это был один из тех маленьких счастливых эпизодов, которые внушают уверенность: будто мир не только продумывает катастрофы, но и иногда подбрасывает тёплые совпадения. Как-то само собой — а может, и не совсем само — она познакомилась с одним из старейших и самых востребованных художников Кривых Зеркал. Человек с фамилией, которую произносили уважительно и с лёгким налётом зависти, как про редкую марку вина. Он был стар — но не старомоден; в нём жило то странное сочетание, когда в голове ещё теплятся свежие идеи, а в руках — опыт, как застывшая бронза.

Ему казалось трогательным, что такая молодая особа, как К.Лава, находит время — и не только потому, что это было в тренде. Для него это было как получить редкую краску: неожиданно и радостно. Она стала навещать его мастерскую несколько раз в неделю, как будто по подписке на вдохновение: приходила, садилась на табурет у окна и слушала, как скрипит кисть о холст, как летят искры разговоров, как город под окном шепчет свои старые анекдоты.

Знала его слабости — крепкий коньяк и шоколад с горчинкой — и привозила маленькие подарки: плитку горького шоколада, лимон (для тех самых кислотных нот в разговоре), маленькие гастрономические амулеты. Для неё это была мелочь, но мелочь, подкреплённая вниманием, в мире дорогих жестов много значила.

Художнику это нравилось. Он приглашал её на свои вернисажи, ставил рядом с ней тех, кого уважал, чтобы показать: «Смотрите — есть кто-то, кто видит мой труд иначе». Её умение ощущать картину не как просто изображение, а как живой организм, цепляло его. Она говорила о композиции, цвете, точке фокуса и про то, почему та или иная работа «должна» висеть именно тут — у окна, у входа, на углу — а не там, где предлагали интриганы галерей. Это было не словесное позёрство, а почти религиозная страсть: она умела выстраивать смыслы так, что холст начинал дышать по-новому рассказывая свою особенную историю.

Иногда их диалоги доходили до курьёзов: он сыпал названиями мастеров и техник, а она отвечала метафорами, будто разговаривали два языка одной души. Он называл её «маленьким критиком с большой памятью», она — «старым разбойником цвета», и оба смеялись, как два соучастника в преступлении под названием «создать».

Эти встречи давали ей не только эстетическое удовольствие. Они были практическим ресурсом: художник вводил её в круг своих коллекционеров, знакомил с кураторами, иногда просил включить её в состав жюри или пригласить на закрытую презентацию. Это было больше, чем полезно — это было окно в мир, который умеет делать деньги из смысла. И как приятный бонус, Молль щедро платил ей за ее организаторскую помощь.

И вот, имея за плечами ночные согласования, письма Джину без ответа и мамину тревогу, К.Лава вышла из дома. В голове уже крутились планы: как использовать эти связи, как преподнести проект так, чтобы цвета и слова слились в один мощный и урегулированный жест, который купят и увидят по всему миру.

В этот раз Молль готовил масштабную выставку вместе со своей молодой ученицей — той самой, что вчерашние критики называли «обещающей», а завистливые коллекционеры — «опасной». Изюминкой вечера должен был стать театральный номер почти никому не известной актрисы: тонкая, нервная, с глазами, которые могли бы читать мысли у людей, если бы люди позволяли себя читать. Задача К.Лавы — оформить семьсот квадратных метров зала так, чтобы пространство само по себе говорило на языке выставки, не мешая актрисе звучать, но и не давая ей спрятаться.

К.Лава переступила порог — и тут же почувствовала, как воздух стал плотнее, как место само вздохнуло, готовясь к представлению. Художник, увидев её, поднял руку — и зал разразился аплодисментами, которые в этой компании обычно значили: «Она с нами, она понимает».

— Друзья мои, — громко провозгласил он, словно дирижёр, — вот она, моя муза! Сейчас будет работать волшебница пространства — К.Лава!

Аплодисменты не утихли. К.Лава поклонилась так, будто приняла на себя не лавры, а ответственность. Она знала, что в этих метрах нельзя сделать ни лишнего жеста, ни одного напрасного света. Каждый объект, каждая тень должны были быть актёром в этой маленькой опере.

— Ты знаешь, — сказал художник тихо, когда шум утих, — моя ученица придумала сцену. Но нам нужно, чтобы пространство стало её партнёром, а не зрителем. Подумай, как сделать так, чтобы люди шли и становились частью действия.

К.Лава кивнула и сразу пошла по залу, будто читая партитуру на ощупь: свет — здесь приглушённый, чтобы лицом актрисы можно было играть как маской; пол — слегка матовый, чтобы отражения не крали внимание; углы — заполнить низкими тумбами с предметами, которые будто бы вывалились из чьей-то памяти. Она уже видела, где повесить крайний холст, как

поставить три деревянных куба, какие лампы оставить, а какие заменить на прожекторы с мягким фокусом.

— Нам нужно много ткани, — пробормотала она, — и ленты света, как прожилки в плане. Пусть люди не забудут, что они в театре внутри выставки.

— Отлично, — улыбнулась ученица, — а что насчёт музыки?

— Музыка — как шов: если она грубая, порвёт костюм. Если тонкая — сшивает. Нужен шов, который не видно, но который держит всё.

Художник одобрительно хмыкнул. Они обсуждали детали как повара на кухне: смесь текстур, дозировка света, где оставить дыхание пустоты. Всё это было делом вкуса, интуиции и небольшого адреналина.

Через несколько дней, к вечеру зал наполнился — не шумом массовки, а осторожной, почти сакральной публикой: коллекционеры с крепкими руками, критики с острыми карандашами, люди, которые привыкли оценивать шедевр по наклону чашки кофе. Свет упал ровно так, как К.Лава просчитала, и пространство задышало ритмом: сцена для актрисы выделилась, но и сама по себе галерея приобрела драматическую линию.

Когда актриса вышла — тонкая, в простом платье, без масок — зал замер. Она начала свой монолог тихо, и в этот момент каждый предмет, каждая тень, которую подготовила К.Лава, стала её соавтором: кресло вздохнуло, лампа подмигнула, холст за спиной будто чуть-чуть изменил цвет. Это было именно то, чего требовал художник: совместный акт, где искусство не отдельная сцена, а общий язык. Актриса выплеснула себя в зал не голосом, а траекторией. Сцена в один момент стала лишней, как стартовый стол после взлёта ракеты: она соскользнула вниз и пошла вдоль белой стены, туда, где начиналась выставка.

Публика — приличная, вежливая, с программками и пластиковыми бокалами — дернулась и потекла за ней. Сначала стыдливо, по одному, потом плотнее, пока зал не превратился в аквариум, а актриса — в хищную рыбу-проводника. Она плыла вдоль картин. Остальные, как послушный косяк, поскрипывали обувью по бетону и пытались выглядеть независимыми.

Первая картина поджидала их лобовым ударом: холст, перерезанный грубой алой полосой, как след от аварии на белом снеге. Ближе — мелкий текст, почти шёпот, растянувшийся вдоль мазка. Актриса остановилась, развернулась боком, словно представляла не себя, а саму картину.

Она стала продолжением холста: плечи — как рама, лицо — как лишний фрагмент композиции. Смотрела не на людей, а внутрь мазка, будто пыталась туда войти.

Гости, сбившись в плотный живой клин, остановились следом. Кто-то делал вид, что анализирует живопись, но на самом деле наблюдал за её позой. Картина отвечала им густой тишиной, алый мазок разрезал пространство между актрисой и залом, как линия демаркации: вот здесь живопись, там — всё остальное.

Она медленно подняла руку, не театрально, а как человек, который тянется до выключателя в тёмной комнате. Пальцы зависли в нескольких сантиметрах от алого. И в этот момент стало ясно: полотно — это не абстракция, а след удара по чему-то, что давно уже произошло и

успело забыться. Никто не сказал этого вслух, но эта мысль прошла по залу, как электрический ток по плохо изолированным проводам.

Актриса двинулась дальше. Косяк послушно хлынул за ней, оставив картину догнывать в своём смысле в одиночестве.

Следующая работа была аккуратно жестокой: стальной куб с помятой гранью, из вмятины сочился холодный неоновый свет. Куб стоял, как забытая посылка от реальности: вскрывать страшно, выбросить жалко.

Она обошла куб по дуге, как хищник, оценивающий новый вид клетки. В одном из ребер отразилось её лицо — раздвоенное и слегка растянутые глаза, как в дешёвой оптике. Актриса остановилась у вмятины и просто дышала в металл, позволив неону высечь из её кожи мертвенное свечение.

Гости сгрудились вокруг, образуя идеально неровный круг. С их стороны это выглядело как простая геометрия экспозиции. С точки зрения куба — как ещё один виток осады.

Вмятина на металле читалась слишком узнаваемо: неудачный поворот, столкновение, давление, от которого форма сначала сопротивляется, а потом сдаётся. Она чуть коснулась поверхности, и в этот момент стало ясно: инсталляция не о том, как нас давит мир, а о том, как удобно под это давление подстроен наш внутренний каркас. Куб держал удар лучше, чем большинство из присутствующих.

Косяк синхронно повернул головы, будто стоя, манипулируемая одним невидимым магнитом. Никто ещё не спросил «о чём это», но общий ответ уже начал выстраиваться внутри, как автозаполнение в поисковой строке.

Дальше — портрет. Почти стертая женщина на выбеленном фоне. Лица нет, только слабое пятно света, как след от вспышки, которую камера забыла зафиксировать.

Актриса подошла к полотну так близко, что на миг стало непонятно, кто кого рассматривает. Она выровняла плечи, словно становилась тенью того, чего на картине нет. В зале кто-то по инерции искал взгляд на портрете — привычное место для диалога. Взгляда не было. Была только пустая точка, набранная из миллиона почти невидимых мазков.

Сзади к ней вплотную подступил человеческий косяк — живой экран из тел и курточек, которые отбрасывали на картину дрожащие тени. Лица гостей растворялись в белом, как вода в воде. На секунду граница между полотном и залом стерлась: в этой комнате появилось слишком много голов без центра, историй без героя, фотографий без подписи.

Картина ни к кому не обращалась и ничего не обещала. Она просто демонстрировала чистый, технически выверенный факт: личность — это фильтр в телефоне, который можно отключить одним движением.

Процессия двинулась дальше уже без команды. Актриса только изменила угол движения — и зал послушно перестроился. Аквариумное поведение: один рывок ведущей рыбы — и весь косяк послушно вписывается в поворот, не задавая лишних вопросов.

Под потолком висел чемодан. Из него тянулся вниз бумажный дождь: чеки, ксерокопии, выцветшие фотографии, бумажные полоски с печатью «СРОЧНО». Это выглядело как разорванный архив жизни какого-то среднего существа, аккуратно приподнятый над уровнем глаз.

Актриса вошла под чемодан и замерла внутри этого бумажного душа, не касаясь ни одного листка. Снизу это напоминало нелегальный обряд посвящения: шум зала на секунду пропал, остался только шорох подвешенного прошлого.

Гости вытянули шеи, вглядываясь в отдельные фрагменты: чья-то транспортная карта, обрывок письма, чужая рентгеновская плёнка. Косяк чуть рассыпался — все пытались оторвать взгляд от актрисы и выхватить что-то своё из чужого чемодана. Но фокус был в том, что их не подпускали ближе, чем на шаг. Прошрое, как обычно, демонстрировалось на безопасном расстоянии.

Чемодан шевельнулся от сквозняка. Бумажные полосы на секунду накрыли актрисе лицо, и это выглядело как краткий апгрейд идентичности: вместо черт — текст, цифры, штампы. Когда бумага отлетела, в выражении её лица что-то сместилось, как если бы она мельком увидела себя не изнутри, а на чужом скане паспорта.

Следующий фрагмент встречал их чёрной дверью на экране. Видео проекции: людей — бесконечная очередь — затягивало в прямоугольный провал. На выходе из двери они появлялись уже одинаковыми: серый фон, серые костюмы, стандартная походка. Внутри экрана можно было смотреть как в будущее, как в прошлое или как в зеркало — эффект не менялся.

Актриса встала сбоку, на границе света и тени проектора. Поток фигур проходил сквозь неё, прорезал её силуэт, как воду. Косяк зрителей замер напротив — смотреть такое лучше группой: так меньше шансов признать себя в одном из пикселей.

Каждый видел в очереди ровно то, к чему был готов: карьерный рост, социальный лифт, тот самый пресловутый путь самореализации, собранный из чек-листов. Но под всей этой красивой упаковкой заметно торчал реальный механизм: люди заходили внутрь со своими ключами странности, а выходили выровненными, как товар после конвейерной упаковки.

Экран не комментировал происходящее. Он просто показывал: вот вход, вот выход, вот промежуток, про который никто не спрашивает деталей.

Люди молча смотрели, как из них потенциально делают тех, кто будет смотреть, как из них делают тех, кто будет смотреть... И так до бесконечности, пока где-то не сторит проектор.

Актриса двинулась дальше, и косяк, словно по немой команде, разорвал контакт с экраном. Те, кто задержался, выглядели так, будто их сознание на секунду отстало от тела и теперь догоняет, спотыкаясь.

После выступления люди не сразу аплодировали. Сначала в зале повисло молчание — плотное и благодарное, как ладонь, положенная на сердце. Потом последовали шаги, слова, улыбки. Художник подошёл к К.Лаве и чуть хрипло произнёс:

— Ты видишь, как они слушают, смотрят? Спасибо. Ты — волшебница, правда.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько же удовольствия, сколько и деловой гордости: это была ещё одна, пусть и маленькая, победа — показательная репетиция того, как

её вкус и её умение делать пространство говорящим могут превращать идею в полноценное действие.

Г..Лава 7

Дикие кирпичи

К.Лава почувствовала, как внутри включился старый предохранитель — тот самый, что вырабатывался годами общения с родственниками, у которых любовь маскировалась под контроль, а забота — под агрессивное вторжение в личное пространство.

Она сделала ровно то, чему научилась за эти годы: улыбнулась ровно настолько, чтобы не дать трещину, развернула плечи, встречая взгляд Кэрпича в открытую, и перевела его на Данго, как перекидывают мяч с одной руки в другую.

— Приятно познакомиться, — сказала она спокойно, чуть наклонив голову. — Я К.Лава. Вы, видимо, те самые люди, которые лучше один раз увидят, чем сто раз услышат. Судя по тому, как внимательно вы меня изучаете.

Она не дала им времени на ответ — повернулась к Моллю, якобы за комментарием, но на самом деле чтобы выиграть пару секунд и считать этих двоих уже не взглядом, а периферией опыта.

Данго усмехнулась — рыжие волосы качнулись, и в этом жесте было что-то кошачье, хищное. Кэрпич, напротив, стоял монолитно, как шкаф, который вот-вот решат передвинуть, но пока не решили куда.

— Бриллиант, говоришь? — переспросила Данго, обращаясь уже не к Моллю, а прямо к К.Лаве. — А он не ошибся? Ты точно не просто хорошо огранённое стекло?

К.Лава выдержала паузу ровно настолько, чтобы фраза повисла в воздухе и начала пахнуть неловкостью для той, кто её произнесла.

— Стекло обычно прозрачное, — ответила она, глядя Данго прямо в глаза. — А я вот вас, например, вижу насквозь. Так что, возможно, это у вас обоих просто разное зрение.

Кэрпич хмыкнул — коротко, с уважением. Данго прищурилась, но не огрызнулась. Молль рассмеялся тем смехом, который обычно приберегал для удачных шуток в свой адрес.

— Ну что ж, — сказал он, хлопнув К.Лаву по плечу. — Кажется, ты только что сдала вступительный экзамен в клуб неприятных людей. Добро пожаловать.

Кэрпич на секунду завис — видимо, не привык, что ему зеркалят в той же весовой категории. Обычно его «чё, как?» работало как тест-драйв: кто смущается, тот слабее, кто начинает оправдываться — тот уже проиграл. Но К.Лава просто стояла и смотрела на него с выражением лица, которое говорило: «Ну, я жду следующую реплику, или это уже весь ваш репертуар?»

Данго хмыкнула, оценив.

— А она с характером, — сказала она Кэрпичу, но так, будто его в комнате не было. — Ты как, не боишься, что она тебя переиграет?

Кэрпич фыркнул, но без агрессии. Он почесал затылок, переглянулся с Данго — у них явно был свой внутренний язык без слов, на котором они обменивались мнениями быстрее, чем вслух.

— Ну, — протянул он, уже чуть мягче, — я Кэрпич. Это Данго. Мы с Моллем старые... как бы это сказать...

— Подельники, — подсказала Данго сухо.

— Коллеги, — поправил Кэрпич и бросил на неё короткий взгляд. — Мы по разным делам шастаем. Услышали, что у Молля тут новая муза объявилась. Решили глянуть.

К.Лава скрестила руки на груди, но не в защитной стойке — скорее в позе человека, который примеряется к новому диалогу, как к незнакомой обуви.

— Ну глянули. И что в итоге?

Данго сделала шаг вперёд и оказалась ближе, чем того требовал этикет малознакомых людей. От неё пахло табаком, дешёвыми духами и той специфической уверенностью, которая либо врождённая, либо нарабатывается в переулках Кривых Зеркал.

— Слышали, ты проект собираешься запускать. Кино, сериалы, вся эта движуха. Мы с Кэрпичем как раз работаем с людьми, которые таким интересуются. Не тебе чета — повыше рангом.

Она сделала паузу, давая информации осесть.

— Можем свести.

К.Лава внутренне напряглась. Слишком быстро, слишком легко, слишком похоже на те самые «счастливые совпадения», которые в Кривых Зеркалах обычно заканчиваются либо прорывом, либо подставой. Но вслух сказала только:

— Звучит заманчиво. А какой ваш интерес в этом?

Данго улыбнулась — нехорошо, но честно:

— Мы любим быть в нужном месте в нужное время. А когда проект взлетает, приятно оказаться среди тех, кто был у истоков. Не бесплатно, конечно. Но и не грабительно.

Кэрпич кивнул, подтверждая.

Молль стоял чуть поодаль, наблюдая за этой сценой с видом художника, который смотрит, как смешиваются краски на палитре — ещё не на холсте, но уже интересно.

— Я бы на твоём месте, — сказал он негромко, — выслушал их предложение. Но проверял бы каждый пункт трижды. Эти двое умеют быть полезными. И умеют быть проблемой. Вопрос только в том, кто кого переиграет.

К.Лава перевела взгляд с Молля на Данго, с Данго на Кэрпича и обратно. Где-то на заднем плане зала продолжался вечер, звенели бокалы, кто-то смеялся слишком громко для приличного мероприятия. А здесь, в этом маленьком кругу, начиналась совсем другая игра.

Данго на секунду сбилась с ритма — К.Лава нанесла аккуратный, но точный удар по её нарративу. «Никогда не упоминал» — фраза, которая в мире Кривых Зеркал могла означать всё что угодно, но звучала как диагноз.

Кэрпич, почувствовав, что Данго потеряла нить, вмешался:

— Ну, Молль вообще не любит трепаться о людях. Он про людей молчит, про краски говорит. Это нормально.

— Угу, — добавила Данго, быстро восстанавливая равновесие, — мы старая гвардия. Он нас бережёт от лишнего внимания. Мы его — от лишних проблем.

Она отпустила руку Кэрпича и театрально поправила волосы, будто сбрасывая с себя неловкость жестом.

— Но раз ты нас не знаешь, К.Лава, — продолжила она, и в её голосе появилась та сладковатая нота, которая обычно предшествует предложению, от которого трудно отказаться, — значит, самое время познакомиться поближе. У нас завтра вечером посиделки в одном месте. Неофициально. Приходят разные люди. Может, заскочишь? Посмотришь на нас в естественной среде обитания.

Она сказала это так, будто приглашала К.Лаву не на тусовку, а на экскурсию в зоопарк, где клетки не заперты.

К.Лава выдержала паузу. В голове пронеслось: «Слишком быстрое сближение, слишком настойчивое приглашение, слишком много совпадений за один вечер». Но где-то на периферии интуиции шевельнулось любопытство — эти двое явно знали больше, чем показывали, и явно были связаны не только с Моллем, но и с чем-то, что выходило за пределы мастерской старого художника.

— Адрес скиньте, — ответила она ровно, не давая ни согласия, ни отказа. — Если получится вырваться — зайду.

Данго улыбнулась — широко, почти искренне.

— Ну вот, а ты боялась, — сказала она Кэрпичу, ткнув его локтем в бок. — А она своя. Чувствуется.

Кэрпич промычал что-то неопределённое, но в его взгляде мелькнуло одобрение.

Молль подошёл ближе, положил руку на плечо К.Лавы и наклонился к уху:

— Ты как? Не выдохлась? Если хочешь — я их сейчас вежливо спроважу, скажу, что у тебя дела.

В его голосе звучала забота, но без навязчивости — он давал ей выбор, не снимая с неё ответственности за решение.

Г..Лава 8

Солнечное сплетение

А вот на следующий день. Новость прилетела как пощёчина — через телефонный динамик, спросонья, когда мозг ещё не успел включить защиты.

К.Лава сидела на краю кровати, сжимая трубку так, что побелели костяшки. Луна, почувствовав неладное, подошла и ткнулась носом в её колено — глухая, но чуткая к вибрациям хозяйского отчаяния.

— Анфиса, — сказала К.Лава максимально ровным голосом, хотя внутри всё рвалось натянутой струной, — ты серьёзно? Мы же пару недель назад сидели, обсуждали, всё было в силе. Джин гарантом подписался. А сегодня — Сисипи с её... художественной галереей половых органов?

Анфиса вздохнула на том конце — устало, почти по-человечески.

— К.Лава, я тебе не для того звоню, чтобы добить. Я звоню, чтобы ты знала правду, а не собирала её по осколкам в кулуарах. Джин сразу, тем же вечером, после того как вы разошлись, встретился с инвесторами без тебя. Представил альтернативный проект. Сказал, что твой — слишком сложный для пилота, слишком рискованный, а Сисипи — это быстро, дёшево и с гарантированным скандалом. А скандал, сама знаешь, продаётся лучше, чем смысл.

К.Лава закрыла глаза. Внутри, где-то в районе солнечного сплетения, разрасталось холодное, липкое чувство, которое она слишком хорошо знала. Оно называлось «тебя просто использовали».

Джин с самого начала не собирался продвигать её проект. Он искал не партнёра — он искал инструмент. Послушный, благодарный, с хорошей презентацией и с чистой мордой обложки, чтобы привлечь внимание к себе, а потом переключить его на то, что было выгодно ему.

Она оказалась не автором и не продюсером. Она оказалась разогревом перед главным блюдом.

К.Лава открыла глаза и посмотрела на белую стену напротив, на которой висел единственный постер — репродукция Молля, подаренная им пару месяцев назад.

— Спасибо, что сказала, — выдохнула она в трубку. — Честно — это дорогого стоит.

— Ты как? — спросила Анфиса. В её голосе впервые за всё время прорезалась не деловая интонация, а человеческая.

— Пока не знаю, — призналась К.Лава. — Дай мне час. Или день. Я переварю и позвоню.

Она отключилась, отложила телефон на кровать и некоторое время просто сидела, чувствуя, как Луна трётся о её ногу, вырисовывая своим телом тот самый знак бесконечности, который всегда значил: «Я здесь. Ты не одна».

А потом в её голове что-то щёлкнуло. Обида начала трансформироваться — не в слёзы, а в холодную, почти хирургическую ясность.

Джин думал, что слил её проект. Но он не учёл одну деталь: К.Лава никогда не была просто автором.

Она была той, кто знает, как собрать зал. Она была той, кого Молль называл «волшебницей пространства». Она была той, кто умеет превращать липкую грязь в плодородную почву.

Она посмотрела на телефон, где светился контакт, который вчера вечером скинула Данго.

«Ну что ж, — подумала она. — Если большая игра решила пойти по другому сценарию — значит, пора переписать правила».

Она взяла телефон и, не давая себе времени передумать, написала Данго одно короткое сообщение:

«Принято. Во сколько и где ваша посиделка?»

Данго отреагировала молниеносно:

«Приходи в клуб „Утренняя заря“. Там будут мои друзья. Им интересно встречаться с такими, как ты».

Г.Лава 9

Троица Л.С.Д.

Это был не просто клуб, а место, где устраивали автопати. Вход начинался где-то примерно с четырёх утра. К.Лава была там по расписанию. Удивительно, но для человека, пришедшего на своих двоих, её приняли довольно помпезно: хостес провела её через огромный зал в сопровождении охраны прямо в вип-зону. Там находилось трое владельцев этого заведения: Леонид, Сарик и Давид. Все они встретили К.Лаву как очень важного человека.

Они стали предлагать ей завтрак в виде яиц — крокодильих или змеиных — и спрашивать, как она думает: что раньше было — яйцо или курица?

К.Лава заметила явную несостыковку. Если они позиционируют себя как падшие ангелы, повелители тьмы и архитекторы преисподней, то при чём тут яйца? Символ жизни, начала, рождения? Весь дизайн клуба был выдержан в яичной тематике — подвесные светильники в форме скорлупы, барная стойка под омлет, кресла, напоминающие взбитые белки. Слишком много кур и яиц для компании, которая называет себя Люцифер, Сатана и Дьявол.

— Ребята, — К.Лава обвела взглядом троицу, — я, конечно, понимаю, что вы тут хозяева. Но у меня вопрос: если вы — падшие ангелы, то где же адское пламя? Где тьма? А у вас тут яичная ферма какая-то. Не кажется вам, что ваш интерьер слегка... диссонирует с вывеской?

Леонид рассмеялся — глубоко, с хрипотцой.

— А ты наблюдательная. Это нам и нужно.

Сарик пододвинул к ней тарелку с яйцом — змеиным, судя по вытянутой форме и зеленоватому оттенку скорлупы.

— Попробуй. Ответь — и узнаешь.

Давид, сидевший до этого молча, наклонился вперед и добавил тихо, почти шёпотом:

— Может, мы не про конец. Может, мы про начало. Про то, что из скорлупы выползает то, чего никто не ждал.

К.Лава взяла яйцо в руки. Оно было тёплым — неестественно тёплым, будто его только что сварили, хотя на столе не было ни кастрюли, ни пара. Она посмотрела на троих, потом на яйцо, потом снова на них.

— И что раньше? — спросила она, повторяя их же вопрос. — Яйцо или курица?

Леонид улыбнулся — той улыбкой, которая могла означать всё что угодно, от одобрения до приговора.

— А это, К.Лава, зависит от того, кто первым решится разбить скорлупу.

В руке у неё лежало яйцо. Тёплое. Змеиное, мать его. Скорлупа отливала зеленоватым, как трупная зелень на лице у надежды, которая пролежала в морозильнике пару лишних недель.

К.Лава смотрела на это яйцо и вдруг поняла, что оно — идеальная метафора её жизни.

Снаружи — твёрдая, красивая, чуть маслянистая поверхность. Внутри — жижа. Которая могла бы стать кем угодно: змеей, цыплёнком, омлетом. Но пока она просто жижа, окружённая известковым панцирем. И вся разница между «быть» и «сдохнуть» — в том, кто и когда решит долбануть по этому панцирю с той стороны.

Она подняла глаза на троицу.

Леонид сидел в кресле, развалившись, как кот, который только что сожрал канарейку и теперь размышляет, не закусить ли ещё и вилкой с ножом. Сарик застыл с лицом человека, который решает сложное уравнение, где *икс* — это ты. Давид улыбался. Улыбка у него была такая, будто он знает, где зарыт твой скелет, и уже прикидывает, сколько за него можно выручить.

Где-то на периферии, за столиками, маячили их «приспешники» — так она мысленно обозвала свиту. Они походили на декорации: дорогие, но бездушные. Купленные в том же магазине, что и яйца на потолке.

И К.Лаву прорвало.

— Вы знаете, — сказала она, поставив яйцо на стол, как пешку, которой больше нечего терять, — я сижу тут, держу в руках ваше долбаное яйцо, и до меня только что дошла одна простая вещь. Я ведь тоже думала, что я — курица. Что я та самая, которая вылупилась, отряхнулась и пошла клевать зерно успеха. Строи́ла из себя птицу высокого полёта.

Она усмехнулась — коротко, без веселья.

— А на деле я — скорлупа. Пустая, красивая оболочка, которую какой-то хрен из Поддубной Роши использовал как тару для своего дерьмового проекта. Я ему — идею, презентацию, слёзы, ночи без сна. Он мне — «о, дорогая, ты гений, давай найдём инвестора, я гарант». А сам тем же вечером слил мой проект какой-то Сисипи с её галереей... ну вы поняли чего. Потому что это быстро, это скандально, это продаётся.

Голос её дрогнул, но она додавила:

— А я осталась со своей скорлупой. Пустая. Зелёная. Никому не нужная, пока внутри ничего нет.

Она перевела дух и обвела взглядом зал. Лица. Дорогие вещи. Лампы-яйца.

— И знаете, что самое смешное? Я пришла сюда с надеждой, что вы — другие. Что вы смотрите не на скорлупу, а на то, что внутри. Что у вас глаза не замылились на стекляшки. Что вы...

Она запнулась, подбирая слово.

— Что вы настоящие. Из той породы, что видят не обёртку, а суть.

Тишина повисла такая плотная, что её можно было резать ножом для змеиных яиц.

Леонид качнул головой, как бык перед броском.

— Милая, — сказал он. Голос мягкий, как бархат, которым оббивают гробы. — Ты красиво рассказываешь. Серьёзно. Я бы заплатил, просто чтобы послушать, как ты читаешь телефонную книгу. Но давай про суть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.